

ВЯЧЕСЛАВ ГУСЕВ

КВАРТИРА ПРИЗРАК

Вячеслав Гусев

Квартира - Призрак

<https://litres.ru/74674923>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дом-призрак живёт за счёт тех, кто его ищет: он подменяет воспоминания и делает искателей частью своей тайны. Следователь и его напарник бросают вызов аномалии, но узнают страшное: остановить дом — значит решить судьбу уже исчезнувших. Атмосферный триллер о системе, которая годами скрывала преступления под покровом паранормального.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	13
Глава 3.	23
Глава 4.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Вячеслав Гусев

Квартира - Призрак

Глава 1.

Вечер, 19:30. Лестничная площадка между первым и вторым этажами старого кирпичного дома пахла сыростью и старой краской — будто здесь годами не проветривали, а запахи просто наслаивались друг на друга, как слои штукатурки. Тусклая лампа под потолком мигала, и от этого тени на стенах казались живыми: они дёргались, вытягивались, будто пытались что-то сказать. Я, следовательно, стоял чуть в стороне от толпы жильцов, привычным движением поправил воротник пальто и достал блокнот. Всё выглядело как обычная бытовая трагедия: умер жилец с четвёртого этажа, соседи сбились в кучку, переговаривались вполголоса, кто-то шмыгал носом, кто-то нервно потирал ладони. Но меня царапало ощущение, что я пришёл не на место смерти, а на место, где кто-то старательно стёр часть истории.

Консьержка стояла чуть поодаль, сжимая в руках связку ключей так, что побелели костяшки. Она не смотрела на меня — смотрела сквозь, будто я был частью этой мигающей темноты. Я подошёл, стараясь не делать резких движений.

— Вы были рядом, когда ему стало плохо? — спросил я,

стараясь, чтобы голос звучал ровно, без нажима.

Она кивнула, не поднимая глаз, и тихо сказала:

— Я как раз ключи пересчитывала. Он спускался по лестнице, держался за перила, будто ступениплыли. И вдруг остановился, посмотрел прямо на меня и прошептал: «Квартира №7».

Я замер, но постарался не показать этого. Просто записал фразу в блокнот, чуть сильнее надавив на ручку — грифель хрустнул.

— Квартира №7? — переспросил я. — На каком этаже?

Соседи, будто по команде, перестали шептаться и повернулись к нам. В их взглядах было не любопытство — была тревога, будто я произнёс что-то запрещённое. Женщина в пуховике, стоявшая ближе всех, быстро сказала:

— Да нет тут такой квартиры. Этажом выше — шестая, потом сразу восьмая. Всегда так было.

Мужчина в вязаной шапке нервно потёр шею и добавил:

— Может, он что-то перепутал. В голове всё смешалось.

Я посмотрел на консьержку. Она всё ещё сжимала ключи, будто они могли её защитить.

— Он повторил это дважды, — сказала она, наконец подняв глаза. — «Квартира №7. Они ждут». И потом... он просто осел.

Внутри меня шевельнулось неприятное чувство — не жалость, а холод, как будто сквозняк пробрался под пальто. «Они ждут», — повторил я про себя. Это не похоже на бред

умирающего. Это похоже на признание.

— Что значит «они»? — спросил я.

Женщина в пуховике резко перебила:

— Да бросьте вы. Никаких «они». Просто человек устал, перенервничал. Давайте уже закончим с этим, а?

Я снова посмотрел на консьержку. В её глазах была не просто усталость — в них был страх, который она пыталась спрятать за привычной маской равнодушия.

— Он сказал «квартира №7», — повторил я. — Что это за квартира?

Она замерла, будто я ударил её по руке, и ключи звякнули. Потом она тихо, почти шёпотом, ответила:

— Такой квартиры нет. И никогда не было.

В этот момент лампа под потолком погасла. На несколько секунд подъезд погрузился в темноту — плотную, тяжёлую, будто она была не отсутствием света, а самостоятельной субстанцией. Я услышал, как кто-то судорожно вздохнул, как звякнула цепочка, как зашуршала ткань. Потом свет снова загорелся, и консьержка посмотрела на меня так, будто видела меня впервые. Её взгляд был пустым, как будто она только что проснулась и не понимала, где находится.

Я записал в блокнот: «Если никто не помнит №7, почему он её назвал?» И добавил чуть ниже: «И кто такие „они“?»

Консьержка отвернулась и пошла к своей каморке, крепко прижимая к себе связку ключей. Соседи начали расходиться, стараясь не смотреть друг на друга. Я остался стоять на

площадке, чувствуя, как холод пробирается под кожу. Дом не просто хранил тайну — он защищал её. И я понял: чтобы добраться до правды, мне придётся заставить его заговорить.

Утро следующего дня, 09:15. Архив БТИ встретил меня сухим, пыльным воздухом, пахнущим клеем и старыми бумагами. Помещение было тесным, заставленным высокими стеллажами, между которыми едва можно было протиснуться. На столах громоздились стопки папок: одни выглядели так, будто их не трогали годами, другие — наоборот, были аккуратно выровнены, будто кто-то только что их перебирал. Архивариус, пожилой мужчина в очках с толстыми стёклами, нервно поправлял стопки бумаг, старательно избегая моего взгляда.

— Чем могу помочь? — спросил он, не глядя на меня, и снова поправил очки, хотя они и так сидели ровно.

Я положил на стол копию протокола и ткнул пальцем в строчку с показаниями консьержки.

— Мне нужны поэтажные планы этого дома, особенно третий этаж. Интересует, была ли там когда-нибудь квартира №7.

Архивариус замер, его пальцы на секунду застыли над папкой, которую он собирался убрать. Потом он медленно кивнул и сказал:

— Ну, планы у нас есть. Но нумерация всегда шла подряд. Никаких пропущенных номеров не бывает.

Он достал тонкую папку и протянул её мне, но я заметил,

что это были более поздние планы — чистые, аккуратные, без пометок.

— А ранние версии? — спросил я. — Дом старый, наверняка были какие-то изменения, перепланировки.

Архивариус слегка поморщился, будто я попросил его сделать что-то неприятное.

— Ранние... да, они у нас есть, но они не очень хорошо сохранились. Много исправлений, потёртостей.

Стажёр, сидевший в углу и молча раскладывавший папки, бросил на меня короткий взгляд и снова уткнулся в бумаги. В этом взгляде было что-то — не сочувствие, а скорее понимание, что я пытаюсь найти то, что не хотят показывать.

Я наклонился вперёд, стараясь говорить спокойно, но твёрдо:

— Мне не нужны идеальные документы. Мне нужны все, какие есть. Даже самые потрёпанные.

Архивариус вздохнул, будто смиряясь с неизбежным, и пошёл к дальнему стеллажу. Он достал толстую папку, покрытую слоем пыли, и положил её передо мной.

— Вот. Это самые ранние планы. Но, честно говоря, там много ошибок. Не стоит на них полагаться.

Я открыл папку и начал листать пожелтевшие листы. Планы были нарисованы от руки, линии местами расплывались, подписи были едва разборчивы. Но я искал не красоту — я искал несоответствие. И нашёл его. На одном из листов, датированном годом крупного пожара в доме, на третьем эта-

же между шестой и восьмой квартирами был едва заметный контур — прямоугольник, который не вписывался в общую сетку. Рядом была короткая пометка: «помещение №7 — временно закрыто до особого распоряжения». Ниже стояла подпись прораба и дата.

Я поднял глаза на архивариуса. Он как раз поправлял очки, будто пытался спрятаться за стёклами.

— Это что? — спросил я, ткнув пальцем в пометку.

Он посмотрел на страницу, и на его лице мелькнуло что-то похожее на испуг — быстрый, как вспышка молнии.

— Ошибка ввода, — быстро сказал он. — Таких помещений не было. Наверное, кто-то просто неправильно записал.

Я почувствовал, как внутри поднимается холодная волна раздражения. Это была не ошибка. Это было стирание. Кто-то специально убрал эту квартиру из истории, оставив лишь намёк, который можно было списать на небрежность.

Пока архивариус отворачивался, чтобы убрать другую папку, я достал телефон и быстро сфотографировал страницу. Пальцы слегка дрожали — не от страха, а от напряжения, от ощущения, что я стою на краю чего-то большого и тёмного.

— Спасибо, — сказал я, закрывая папку. — Этого достаточно.

Архивариус кивнул, но не смотрел на меня. Стажёр в углу снова бросил на меня взгляд — на этот раз в нём было что-то вроде уважения.

Я вышел из архива, чувствуя, как пыль прилипает к одежде, а в голове крутится одна мысль: документы лгут. Но стены не умеют лгать. И если квартира №7 исчезла из бумаг, значит, она должна остаться в пространстве дома. Мне нужно было проверить кладовку и шкаф, за которым, по слухам, мог быть скрытый проход.

День, 15:40. Общая кладовка на первом этаже старого дома была тесной и тёмной. Узкое окно под самым потолком пропускало лишь тонкую полоску света, которая лежала на пыльном полу, как лезвие ножа. Воздух был неподвижным, густым, и в нём чувствовался не только запах пыли, но и что-то ещё — едва уловимый аромат, похожий на запах свежего кофе, хотя здесь его точно никто не варил. Старый шкаф стоял под странным углом, будто его специально развернули, чтобы он закрывал стену. Пыль лежала ровным слоем, но у стены была едва заметная бороздка — как будто шкаф недавно двигали, и пыль не успела осесть.

Я подошёл ближе, осторожно, словно боялся спугнуть тишину. Мои ботинки оставляли на пыли лёгкие следы, и это казалось неправильным — будто я нарушал какой-то древний порядок. Я потрогал дверцу шкафа — дерево было холодным и шершавым, как будто оно помнило чьи-то прикосновения.

На полке рядом со шкафом стоял старый деревянный ящик, покрытый слоем пыли. Я открыл его и увидел внутри несколько пожелтевших квитанций, сломанный ключ и сло-

женный вчетверо листок бумаги. Я развернул его и прочитал неровный почерк, местами зачёркнутый, будто автор пытался стереть собственные слова:

«Я столько лет делала вид, что не вижу эту дверь. Мне говорили, что если я буду молчать, дом оставит нас в покое. Но сегодня я видела, как он смотрел на шкаф. Он её найдёт. И тогда всё начнётся заново. Я не знаю, что делать. Если ты читаешь это, не заходи туда. Пожалуйста, не заходи».

Это была запись консьержки. Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Она знала. И она пыталась предупредить. Но теперь было поздно. Я уже нашёл дверь.

Шкаф был тяжёлым, и, когда я сдвинул его, раздался скрежет, похожий на стон. За ним действительно была дверь — старая, деревянная, с облупившейся краской. Ручка была холодной на ощупь, и когда я повернул её, дверь открылась с тихим скрипом, будто давно не использовалась.

Я шагнул внутрь и оказался в коридоре, который не должен был здесь быть. На стене были следы от крюков, будто здесь когда-то висели картины или полки. На полу — тонкий слой пыли, а на нём — один чёткий след ботинка. Он был свежим, будто его оставили час назад.

Кухня была маленькой, почти игрушечной. На столе стояла чашка, на её краю был едва заметный след от губ. Рядом лежала записка: «Ты первый, кто нашёл нас. Остальные просто не дожили до этого дня».

Я сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Это не была заброшенная квартира. Это было место, которое кто-то использовал. И кто-то ждал, что её найдут.

Я достал блокнот и записал: «Я не верю в призраков, но верю в то, что вижу. А вижу я дверь. И вижу предупреждение. Теперь я должен понять, кто оставил эту записку — и почему они уверены, что я не доживу до конца этой истории».

За спиной раздался тихий скрип — будто кто-то медленно задвигал шкаф на место. Я резко обернулся, но в проёме никого не было. Дверь оставалась открытой, но коридор за ней казался длиннее, чем должен был быть. Стены будто расступались, создавая дополнительное пространство, которого не могло существовать.

Я стоял посреди квартиры №7, сжимая в руке записку. Свет фонарика выхватывал из темноты детали, которые не должны были здесь быть: свежий след, ровную линию пыли, будто кто-то специально оставил мне знак. Я посмотрел на часы — время будто замедлилось, стрелки двигались неохотно, как будто не хотели приближать следующий момент.

«Я думал, что пришёл сюда как следователь, — прошептал я. — А оказался гостем в чужой игре».

Дверь за моей спиной тихо щёлкнула, словно намекая, что обратного пути уже нет.

Глава 2.

Раннее утро, 07:15. В кладовке на первом этаже пахло пылью и старой древесиной — такой густой, въевшейся в доски, что этот запах казался старше самого дома, будто он впитался в стены ещё до того, как здесь появились первые жильцы. Тусклый свет из узкого окна падал косым прямоугольником на полки, и в нём кружились пылинки, не желая оседать, а словно тянулись к чему то невидимому, будто искали выход. Шкаф стоял в углу не вплотную к стене — между ним и кирпичной кладкой оставалась щель, в которую можно было просунуть ладонь. Следы на полу были едва заметными, но они были: не просто вмятины от тяжести, а лёгкие бороздки, как будто шкаф двигали совсем недавно.

Я, следовательно, стоял у полки и делал вид, что рассматриваю старые коробки. На самом деле я ждал. Не звука, не движения — я ждал, когда консьержка перестанет притворяться, что не следит за мной. Она стояла у входа, сжимая связку ключей так, что костяшки побелели, и то и дело бросала взгляд то на шкаф, то на меня, будто пыталась решить, какой из объектов опаснее.

Молодой жилец забежал за почтой, схватил конверт, бросил косой взгляд на шкаф и тут же отвернулся, будто испугался, что его поймают на этом взгляде. Он пробормотал: — Опять этот шкаф... Его будто кто то двигает по ночам.

Консьержка тут же встрепенулась, словно ей дали сигнал:
— Да брось ты, — сказала она, и голос прозвучал резче, чем нужно, будто она пыталась заглушить не его слова, а собственный страх. — Просто доски рассыхаются, вот и кажется, что всё шевелится.

Она сделала шаг ко мне, будто хотела заслонить собой угол:

— Вы бы зашли ко мне на минутку, я тут документы нашла... Может, пригодятся.

Я не смотрел на неё. Просто медленно провёл пальцем по полке — на коже осталась серая полоса пыли, сухая и колкая, как пепел.

— Спасибо, — сказал я спокойно. — Сейчас не время.

Она замерла, и в этом замирании было что то отчаянное, как у человека, который знает, что сейчас произойдёт что то непоправимое, и пытается задержать это хоть словом.

— Ну, тогда я сама вам их принесу, — проговорила она, уже не скрывая тревоги. — Прямо сейчас.

И тут она уронила ключи. Звук был неожиданно громким в этой тесной комнате — металл звякнул о бетон, покатился, и эхо прокатилось по кладовке, как предупреждение. Консьержка наклонилась, чтобы поднять их, и в этот момент я резко шагнул к шкафу. Не оглядываясь, не давая себе времени передумать.

— Стойте! — крикнула она, но голос прозвучал слишком поздно, будто она и сама знала, что это бесполезно.

Я упёрся плечом в шкаф и сдвинул его ровно настолько, чтобы увидеть край дверного косяка — тёмный, старый, с облупившейся краской. На секунду всё замерло: жилец застыл с конвертом в руке, консьержка выпрямилась, держа ключи так, будто они могли её защитить, а я смотрел на этот косяк, как на доказательство того, что я не сошёл с ума.

«Я не верю в призраков, но верю в то, что вижу», — всплыли в голове мои же слова из прошлой главы. И вот оно — то, что я видел. Реальное. Твёрдое.

Руки дрожали, но я достал фотоаппарат и сделал три кадра. На первом был виден косяк. На втором — только шкаф и стена. На третьем — снова косяк, но уже под другим углом, будто он пытался спрятаться.

Консьержка побледнела, её лицо стало пепельно серым, как будто из него выкачали все краски. Она прошептала, глядя не на меня, а на угол, где была дверь:

— Вы не должны были её найти. Она не для вас.

В этот момент жилец тихо поставил конверт на полку и выскользнул из кладовки, будто боялся, что если задержится, его тоже втянут в эту странную сцену.

Я убрал фотоаппарат и посмотрел на консьержку. В её глазах была не злость — в них была усталость человека, который слишком долго хранил чужую тайну и теперь понимал, что она всё равно вырвется наружу.

— Кто её стёр? — спросил я тихо. — Не из памяти, не из слов. Из планов. Кто сделал так, чтобы её не было на бумаге?

Она сжала губы, будто пыталась удержать слова, и показала головой:

— Я не знаю. Правда не знаю. Но если вы будете копать дальше, дом сам вам всё расскажет. Только не ждите, что это будет приятно.

Внутри меня шевельнулось что то похожее на холод — не страх, а понимание, что я перешёл черту, за которой правила меняются. Дом не просто прятал квартиру — он переписывал реальность, и если фото фиксируют её выборочно, значит, доказательства нужно искать в другом месте.

Я кивнул, будто принимая её предупреждение, и сказал:

— Тогда я пойду туда, где реальность ещё не научились стирать. В архив.

Консьержка опустила глаза, и я увидел, как по её щеке скользнула слезинка — не от горя, а от облегчения, будто она наконец то перестала быть единственной, кто знал эту дверь.

Выйдя из кладовки, я вдохнул сырой воздух подъезда — он был гуще, чем на улице, будто дом не хотел выпускать меня наружу. Пыль прилипала к одежде, а в голове крутилась одна мысль: фотографии — ненадёжное доказательство. Мне нужно физическое подтверждение. И я вспомнил архивариуса из прошлой главы — теперь я пойду к нему не с вопросом «где она?», а с вопросом «кто её стёр?».

День, 14:30. В архиве БТИ пахло старой бумагой и плесенью — этот запах был таким густым, что, казалось, оседал на коже тонким слоем налёта, въедался в ткань пальто и оста-

вался даже после того, как уходил. Стеллажи стояли длинными рядами, и между ними было так тесно, что приходилось поворачиваться боком, чтобы пройти. На столе архивариуса громоздились стопки папок, некоторые из них выглядели так, будто их перекладывали в спешке — края листов торчали, обложки были помяты, словно кто то рылся в них и потом пытался вернуть всё на место. Сам архивариус, пожилой мужчина в очках, нервно поправлял их каждые несколько секунд, будто надеялся, что через стёкла мир станет понятнее.

— Снова вы, — сказал он, не поднимая глаз, и постучал пальцами по стопке бумаг, будто хотел их успокоить. — Что то ещё по тому дому?

Я положил на стол распечатку фотографии — ту, где был виден дверной косяк.

— Да, — сказал я. — Теперь мне нужны не планы этажей, а документы по перепланировке. Акт, распоряжение, любой документ, где упоминается ликвидация или временное изъятие квартиры №7.

Архивариус посмотрел на фото, и на его лице мелькнуло что то похожее на испуг — быстрый, как вспышка, и тут же спрятанный за привычным равнодушием.

— Таких документов у нас нет, — сказал он спокойно, но пальцы продолжали постукивать по бумаге, выдавая напряжение. — Если квартира не числится, значит, её не ликвидировали. Её просто не было.

Стажёр, сидевший в углу и перебиравший папки, бросил на меня короткий взгляд — не любопытный, а скорее сочувствующий. Он тихо шепнул что-то архивариусу, когда думал, что я не слышу. Архивариус поморщился, будто ему сделали замечание, и встал:

— Сейчас принесу чай. Тут без чая никак.

Когда он вышел, стажёр наклонился ко мне и тихо, почти шёпотом, подтолкнул к моей стороне стола тонкую папку, которая лежала под стопкой других. На обложке был штамп: «К уничтожению. Не вскрывать».

— Не спрашивайте, откуда она, — быстро проговорил он, не глядя на меня. — Просто посмотрите. И уберите, пока он не вернулся.

Я открыл папку. Внутри был акт о «временном изъятии помещения №7 из эксплуатации» с подписью прораба и датой, совпадающей с годом пожара. Внизу, от руки, была приписка: «До особого распоряжения».

В голове щёлкнуло: «временно изъято» — значит, оно существовало. Его не выдумали и не стёрли задним числом. Его официально убрали с радаров, оставив лазейку — «до особого распоряжения». Это распоряжение так и не поступило. Или поступило, но не для всех.

Пока я доставал телефон, чтобы сфотографировать страницу, стажёр нервно оглянулся на дверь и прошептал:

— Быстрее. Он не любит, когда трогают эти папки. Говорит, что они «не для работы».

Я успел сделать два снимка, прежде чем в коридоре слышались шаги. Стажёр тут же отвернулся и начал переключать бумажки, делая вид, что ничего не произошло.

Архивариус вернулся с чашкой чая, поставил её на стол и посмотрел на меня так, будто пытался прочесть мои мысли.

— Нашли что-нибудь? — спросил он, и в его голосе было не любопытство, а ожидание — будто он уже знал ответ и просто хотел услышать, как я его произнесу.

Я закрыл папку и отодвинул её в сторону, стараясь, чтобы движение выглядело небрежным.

— Пока нет, — сказал я, глядя ему прямо в глаза. — Но найду.

Он кивнул, будто и не ждал другого ответа, и сел на своё место, снова поправляя очки.

Я вышел из архива, чувствуя, как запах плесени остаётся на одежде, а в голове стучит одна мысль: теперь у меня есть документ, подтверждающий, что квартира существовала и была изъята. Ключ к разгадке — в личности прораба. Мне нужно найти его. Даже если для этого придётся ехать за город.

Поздний вечер, 21:47. В квартире №7 было темно, и эта темнота была не просто отсутствием света — она была плотной, как ткань, которую можно потрогать, тяжёлой, будто давила на плечи. Узкий луч фонарика выхватывал из неё фрагменты: угол шкафа, край стола, пятно на стене, похожее на тень, которая не хотела уходить. Пыль лежала ровным слоем,

но в центре комнаты был круг, где её почти не было — будто кто то стоял здесь совсем недавно, и пыль не успела осесть.

Я шёл по комнате, стараясь не шуметь, хотя знал, что тишина здесь не поможет. Дом слышал не шаги — он слышал мысли. И сейчас он, казалось, прислушивался к тому, как они сталкиваются у меня в голове.

На столе стоял старый ящик, такой тяжёлый, что, когда я потянул за ручку, скрипнули петли. Внутри лежали несколько пожелтевших квитанций, сломанный ключ и сложенный вчетверо листок бумаги. Я развернул его и прочитал неровный почерк, местами зачёркнутый, будто автор пытался стереть собственные слова:

«Я не должна была никому говорить про эту дверь. Мне сказали, что если я буду молчать, они оставят в покое моих внуков. Но сегодня я видела, как мальчик с третьего этажа смотрел на стену там, где она есть. Он её видит. А значит, цикл начинается снова. Я больше не могу ждать. Завтра я расскажу всё тому следователю, даже если потом меня уволят».

Это была запись консьержки. Я почувствовал, как холод пробежал по спине — не от страха, а от понимания, что она решилась. И если она расскажет, дом может не дать ей этого сделать.

Я сунул листок в карман и огляделся. В комнате было что то неправильное — не в предметах, а в их расположении. Шкаф стоял чуть косо, будто его недавно двигали. На полу

— два следа: один мой, второй — в сторону двери.

Фонарик моргнул и погас. Батарея была полной, я проверял её перед выходом, но сейчас она будто выдохлась за одну секунду. Я стоял в полной темноте, слыша, как где то капает вода — кап кап кап — и тихо скрипит старая мебель, будто кто то осторожно переставляет вещи.

В темноте я нащупал на столе конверт. Пальцы дрожали, и бумага казалась слишком тонкой, будто могла порваться от одного прикосновения. Внутри была старая фотография: на ней — группа строителей и прораб, а на обороте надпись: «Мы не знали, что строим на костях. Прости нас». Рядом с фото лежала короткая записка: «Если ты это читаешь, значит, ты уже не сможешь уйти просто так. Они знают, что ты здесь».

В этот момент фонарик снова загорелся — не плавно, а резко, будто его включили снаружи. Свет выхватил комнату, но она выглядела иначе: мебель была сдвинута, будто кто то пытался создать новый порядок, а на пыльном полу отчётливо виднелись два следа — один мой, второй уходил в сторону двери.

Я обернулся к двери, но её не было. Вместо неё была глухая стена с обоями, которые выглядели новыми, будто их только что наклеили. Я постучал по стене — звук был глухим, как будто за ней ничего не было. Или как будто она защищала что то очень важное.

Телефон не ловил сеть. Я посмотрел на часы — время за-

стыло на 21:47, будто дом решил, что этот час будет длиться вечно.

Я достал блокнот и записал дрожащей рукой: «Квартира №7 закрыла за мной дверь. Теперь я внутри. И я не знаю, смогу ли выйти тем же путём, каким пришёл».

За стеной, там, где должна была быть кладовка, кто то тихо рассмеялся — не зло, а как будто знал что то, чего не знал я. Смех был коротким, будто его оборвали на середине.

«Я думал, что охочусь за тайной, — прошептал я, прижимая к груди конверт с фотографией. — А она охотилась за мной».

Глава 3.

Утро, 10:20. В отделе краеведческих фондов городской библиотеки стояла та особая тишина, которая держится на дыхании людей, не желающих спугнуть старые страницы. Свет из высокого окна падал косо, высвечивая слои пыли на корешках, — пылинки кружились в луче, будто не хотели оседать, а искали, к чему бы прицепиться. На столе передо мной громоздилась стопка старых газет, домовых книг и папок с вырезками — всё, что могло рассказать о доме, который, казалось, умел стирать себя из памяти.

Я, следовательно, листал пожелтевшие страницы, стараясь не торопиться, но пальцы всё равно скользили быстрее, чем позволяла логика. Мне нужно было собрать факты так, чтобы они не рассыпались в абсурд, едва я попробую записать их в отчёт. «Если я напишу это в отчёте, меня отправят к врачу», — мелькнуло в голове, и я на секунду сжал кулаки, прогоняя эту мысль.

Библиотекарь, пожилая женщина с внимательными глазами, стояла у стеллажа и тихо переставляла папки. Она не задавала лишних вопросов, но замечала каждую деталь: как я задерживаюсь на одной странице, как морщусь на другой. Когда я потянулся за очередной папкой, она чуть раньше меня подвинула её ко мне, будто знала, что именно это мне сейчас нужно.

— Не спешите, — сказала она тихо, не глядя на меня, а будто обращаясь к самим книгам. — Старые истории не любят, когда их дёргают.

Студент-практикант в углу суетливо перекладывал дела, бросая на меня любопытные взгляды. В них не было враждебности — только смесь страха и восторга, будто он подозревал, что речь идёт о городской легенде, и боялся, что я её разрушу.

— Тут есть что-то про пожар восемьдесят третьего? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Она кивнула, не поднимая глаз, и провела пальцем по корешку одной из папок:

— Да. И не только пожар. Там ещё много того, что люди старались не замечать.

Я открыл подшивку районной газеты и нашёл заметку: «Частичное обрушение лестничного пролёта и временная изоляция третьего этажа». В сноске была короткая фраза, написанная мелким шрифтом: «Жильцы изолированного крыла были расселены, однако в домовое дело часть фамилий осталась без пометок о выписке». Рядом, на полях, чьей то рукой было выведено: «Они не уехали. Они перестали быть».

Внутри меня всё сжалось. Это не было похоже на опечатку или небрежность. Это было признание — тихое, спрятанное между строк. Я достал телефон и сфотографировал заметку. Пальцы слегка дрожали, и камера щёлкнула чуть позже, чем

нужно, будто даже техника не хотела фиксировать эту правду.

Библиотекарь подошла ближе и посмотрела на экран, не пытаясь заглянуть, а просто отмечая факт: я это зафиксировал.

— Вы ищете не историю дома, — сказала она спокойно. — Вы ищете, где он врёт.

Я поднял на неё глаза. В её взгляде не было осуждения — только усталость человека, который слишком долго знал, что в городе есть места, которые лучше не трогать.

— А где он врёт чаще всего? — спросил я.

Она чуть помедлила, будто взвешивала, стоит ли говорить, и наконец тихо произнесла:

— Поговорите с Николаем Петровичем. Он живёт на пятом этаже. Он помнит всё — даже то, что другие стараются забыть.

Практикант в углу замер, будто услышал что то запрещённое, и быстро уткнулся в бумаги.

Я закрыл папку, чувствуя, как пыль прилипает к пальцам, и кивнул:

— Спасибо. Этого достаточно.

Библиотекарь едва заметно улыбнулась — не радостно, а скорее горько, будто знала, что «достаточно» в этой истории не бывает.

Выходя из читального зала, я вдыхал этот пыльный воздух, тяжёлый и густой, будто он оседал в лёгких. Теперь у

меня было документальное подтверждение: третий этаж действительно «исчезал» из реальности. И если дом умел стирать людей из документов, значит, он умел стирать их и из жизни.

День, 15:30. Квартира Николая Петровича на пятом этаже встретила меня полумраком и запахом чая, смешанным с запахом старых книг — терпким, чуть горьковатым, будто в нём хранились все истории, которые когда либо рассказывали в этих стенах. На стенах висели фотографии, и на них дом выглядел иначе: с пристройкой, с другим расположением окон, будто это был не тот же самый дом, а его старая, забытая версия.

Николай Петрович сидел в кресле и медленно перебирал связку ключей, будто каждый ключ был воспоминанием, которое нужно аккуратно повернуть, чтобы оно не сломалось. Его движения были неторопливыми, но в них чувствовалась сила — сила человека, который привык держать равновесие в мире, где пол иногда качается.

— Проходите, — сказал он, не поднимая головы, и кивнул на стул напротив. — Чай сейчас принесут.

Через минуту в комнату вошла его внучка — тихая девушка с тревожным взглядом. Она поставила чашку на стол, посмотрела на меня так, будто пыталась понять, не разбужу ли я что то в доме одним своим присутствием, и тихо вышла, прикрыв за собой дверь.

Я сел, стараясь не шуметь, и положил на колени блокнот.

Мне не хотелось давить на старика, но и тянуть было нельзя — время в этом деле работало против меня.

— Я по поводу дома, — начал я осторожно. — Точнее, по поводу третьего этажа. Говорят, в восемьдесят третьем году его изолировали.

Николай Петрович кивнул, не удивлённо, а так, будто ждал этого вопроса много лет.

— Изолировали, — повторил он, продолжая перебирать ключи. — Только не от людей. От реальности.

Внутри меня шевельнулось неприятное чувство — не страх, а холод, как будто сквозняк пробрался под пальто.

— Что вы имеете в виду? — спросил я, стараясь не выдать напряжения.

Он наконец поднял глаза — в них была не мистика, а горькая память человека, который слишком долго жил рядом с тайной и устал её прятать.

— Дом сам решает, что нам видеть, — сказал он тихо. — Сначала я думал, что это у меня старческие причуды. Потом понял: это не у меня. Это у него.

Я хотел спросить, что именно он видел, но боялся, что если задам вопрос слишком прямо, он снова уйдёт в уклончивые фразы. Поэтому я просто подождал, давая тишине занять место между словами.

После долгой паузы Николай Петрович достал потрёпанный блокнот и начал рисовать от руки план коридора третьего этажа. Линии были неровными, но чёткими — будто он

рисовал не просто схему, а признание. Когда он закончил, он провёл пальцем по линии, обозначавшей дверь, которой не было на официальных планах.

— Она появлялась там, где её не должно быть, — сказал он. — И исчезала, когда кто то пытался её сфотографировать или измерить.

Я почувствовал, как пальцы сжимаются в кулаки — не от злости, а от напряжения, от желания удержать эту правду, пока она не растворилась в воздухе.

— Вы не первый, кто её искал, — добавил он, поднимая глаза. — Но первый, кто вернулся. Остальные... они просто переставали спрашивать.

В голове щёлкнуло: «остальные переставали спрашивать» — потому что переставали быть. Как те фамилии в домовой книге, которые остались без пометок.

— Можно я сфотографирую рисунок? — спросил я тихо.

Николай Петрович чуть помедлил, будто решал, не предаёт ли он этим кого то, и наконец кивнул:

— Пусть будет доказательство. Вдруг кому то понадобится.

Я сфотографировал рисунок, стараясь не смотреть на него слишком долго, будто боялся, что он исчезнет прямо в кадре.

Когда я убрал телефон, внучка снова вошла в комнату, на этот раз не с чаем, а с тревожным взглядом, обращённым к деду.

— Всё в порядке? — спросила она, не глядя на меня.

— В порядке, — ответил Николай Петрович, и в его голосе прозвучала не уверенность, а просьба — чтобы всё оставалось в порядке хотя бы ещё немного.

Я встал, чувствуя, как тяжесть этого разговора оседает на плечах, и сказал:

— Спасибо вам. Это очень важно.

Николай Петрович снова кивнул, будто знал, что «важно» — это ещё мягко сказано.

Выйдя из квартиры, я посмотрел на рисунок в телефоне. Он был на месте — линии, углы, дверь, которой не должно быть. Теперь у меня была «карта» аномалии. И я знал, куда идти дальше.

Вечер, 20:15. В кладовке на первом этаже было темно, и эта темнота была не просто отсутствием света — она была плотной, как ткань, которую можно потрогать. Свет фонарика выхватывал только фрагменты: старый шкаф, полки, пыль, которая лежала ровным слоем, будто её никто не тревожил годами. Но я знал, что это не так. Дом тревожили — и он отвечал.

Я подошёл к шкафу и потянул его в сторону. Он сдвинулся с тихим, протяжным скрипом, будто не хотел отпускать то, что прятал. За ним действительно была дверь — приоткрытая, будто меня ждали. На косяке, на уровне глаз, были три свежие царапины — ровные, глубокие, будто их оставили твёрдым предметом.

«Три царапины на косяке — это был их способ отмечать,

что кто то вошёл», — всплыли в памяти слова из дневника консьержки. Я вспомнил, что она стирала их тряпкой, но к утру они появлялись снова. Сегодня она не стала стирать. Пусть он увидит. Пусть поймёт, что дом считает шаги.

Я достал фотоаппарат и сделал несколько снимков. На одном из них царапины были отчётливо видны. На другом — только гладкий косяк. На третьем — снова царапины, но уже под другим углом, будто они пытались спрятаться.

Пальцы дрожали, но я достал блокнот и перерисовал царапины, стараясь запомнить каждую неровность. Это было единственное доказательство, которое дом не мог стереть так быстро.

В коридоре квартиры № 7 было тихо, но эта тишина не была пустой — она была наполнена шорохами, будто кто то осторожно передвигался в соседней комнате, стараясь не шуметь. На стене, в полутьме, я разглядел цифры, выцарапанные в штукатурке: 19, 8, 3. Я провёл по ним пальцем — они были настоящими, под слоем пыли.

«Год пожара, — мелькнуло в голове. — И что то ещё. Что то, что начинается сейчас».

Я достал телефон, чтобы сфотографировать цифры, но когда посмотрел на снимок, на стене была только ровная штукатурка — ни царапин, ни цифр.

Внутри всё сжалось от паники и сомнения: «Если фото не фиксирует то, что я вижу, значит, я либо схожу с ума, либо столкнулся с чем то, что не подчиняется обычным законам».

Я сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони — боль была настоящей, и это давало мне опору.

Я перерисовал цифры в блокнот, стараясь запомнить каждую линию. В этот момент за спиной раздался тихий скрип — будто кто то медленно задвигал шкаф на место. Я резко обернулся, но в проёме никого не было. Дверь оставалась открытой, но коридор за ней казался длиннее, чем должен был быть — будто пространство растягивалось, чтобы вместить что то, чего не должно существовать.

На стене рядом с цифрами появилась новая метка — короткая линия, будто кто то добавил штрих к одной из цифр. Я замер, чувствуя, как холод пробегает по спине. Дом не просто прятал квартиру — он вёл счёт. И сейчас он считал меня.

Я достал дневник и записал дрожащей рукой: «Цифры меняются. Дом не просто прячет квартиру — он ведёт счёт. И сейчас он считает меня».

На полу у стены лежал маленький металлический предмет — брелок с выцветшей эмблемой. Я поднял его и увидел на обратной стороне выцарапанную надпись: «Не ищи выход. Он ищет тебя».

Из глубины квартиры донёсся тихий стук — три удара, пауза, ещё два. Следовательно замер: «Это не случайный шум. Это сигнал. И я знаю, что должен на него ответить».

Я стоял в полутьме, сжимая в руке брелок. Свет фонарика дрожал, выхватывая из темноты царапины на косяке, ровные линии цифр и ту самую короткую черту, которая появилась,

пока я смотрел в другую сторону.

Сделав шаг вперёд, туда, откуда пришёл стук, я тихо произнёс в темноту:

— Я здесь. Скажи, что ты хочешь.

Коридор ответил мне тишиной, которая звучала громче любого крика. И в этой тишине я вдруг отчётливо понял: дом больше не прятался. Он вступал со мной в разговор.

Глава 4.

Пасмурный день, 11:40. В кабинете краеведа было тесно и душно — не от жары, а от тяжести старых вещей. Коробки громоздились друг на друга, папки лежали стопками, будто пытались удержать в себе всё, что город хотел забыть. На стенах висели пожелтевшие карты и фотографии, и свет из узкого окна ложился на них косыми полосами, подчёркивая слой пыли — он казался не просто грязью, а чем-то вроде защитной плёнки, скрывавшей правду от лишних глаз.

Я, следовательно, стоял у стола и старался не выдавать нетерпения. Время сжималось, и каждый час без ответа делал меня уязвимее — будто дом знал, когда я теряю опору, и делал шаг навстречу, чтобы толкнуть. Краевед, пожилой мужчина с внимательными, усталыми глазами, перебирал папки, не глядя на меня, и будто специально подсовывал самые безобидные снимки — фасады без пристроек, дворы без следов перестроек, спокойные, ничем не примечательные виды.

— Тут есть кое что по вашему дому, — сказал он наконец, но голос звучал так, будто он сам не хотел в это верить. — Только не ждите откровений. Город не любит, когда копаются в его старых ранах.

Волонтёр архивист, молодая девушка, тихо перекладывала папки в углу. Она бросала на меня быстрые взгляды, слов-

но пыталась угадать, что именно я ищу, и в этих взглядах было не любопытство, а тревога — будто она знала, что некоторые вопросы лучше не задавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.